

ПУТИ СЛЕДОВАНИЯ

Российские

школьники

о миграциях,

эвакуациях

и депортациях

XX века

НОВОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ирина Щербакова

**Пути следования: Российские
школьники о миграциях,
эвакуациях и депортациях XX века**

«Новое издательство»

2011

Щербакова И. В.

Пути следования: Российские школьники о миграциях, эвакуациях и депортациях XX века / И. В. Щербакова — «Новое издательство», 2011

В сборник «Пути следования» вошли работы российских школьников, поступившие на Всероссийский исторический конкурс общества «Мемориал» в 2009–2011 годах. Исследования ребят, включенные в сборник, рассказывают о перемещениях и переездах жителей России в XX веке, чаще всего совершавшихся не по своей воле.

© Щербакова И. В., 2011

© Новое издательство, 2011

Содержание

Семейная мера века	5
В ссылку, в лагерь	6
«Я не имею основания жаловаться на судьбу...»	6
Начало	6
1917 год	11
Мытарства 20-х годов	12
Магнитогорск	16
Война	19
Арест	20
Последние годы	26
Примечания	29
Живая история	30
Жизнь семьи в Брянске	30
Раскулачивание и высылка семьи в Пермскую область	31
1937 год. Новый арест отца	33
Война	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пути следования: Российские школьники о миграциях, эвакуациях и депортациях XX века

Семейная мера века

В этот сборник вошли лучшие из нескольких тысяч работ, присланных в 2009–2011 годах старшеклассниками на Всероссийский исторический конкурс общества «Мемориал» «Человек в истории. Россия – XX век».

Сочинения, отмеченные жюри, сами собой объединились под общий заголовок «Пути следования». И действительно, столетие радикальной ломки общественного быта и встроенных в него частных судеб наиболее точно обнимается этим канцелярским клеймом подневольного перемещения. Не случайно «героем» одной из работ прямо стал вятский вокзал. В совокупности эти изыскания дают почти исчерпывающий охват самых «торных» дорог, пройденных нашими соотечественниками. От смертного пути раскулаченных «спецпоселенцев» до недавних чеченских «командировок» пермских милиционеров. Посредине помещаются мытарства остарбайтеров, угнанных на работы в Третий рейх, депортированных под Лихославль финнов-ингерманландцев, высланных в Сибирь калмыков и крымских болгар, эвакуированных ленинградских блокадников, тщетно чаявших найти теплый приют на Урале.

Перемещение по собственной воле в этом изуродованном социальном пространстве – всегда бунт и преступление. От авантюрного бегства без всяких документов из-под надзора поселенческой комендатуры до послевоенного исхода крестьянских детей из колхозного рабства в города с паспортами, добытыми обманным путем. Но и побег не всегда приносил спасение русским беженцам, скрыться не удавалось даже в китайском Харбине. А посеянные в первую половину XX века семена ненависти и в наши дни не дали спокойно жить тем, кто из холодного Магадана перебрался в теплую Абхазию.

Непритязательные ученические сочинения читаются на одном дыхании и представляют большую по нашему времени ценность. Опрашивая оставшихся немногих свидетелей, дети безыскусно обобщают исторический опыт, который без них был бы безвозвратно утрачен. Утерян еще и в результате целенаправленных усилий тех, кто непременно желает представить «советскую цивилизацию» временем исключительно «великих побед и свершений». Но есть надежда, что семейная память, пронзительно и остро запечатлевшая тяжелые «пути следования», убережет новые поколения от соблазна строить светлое будущее такой ценой.

Никита Соколов

В ссылку, в лагерь

«Я не имею основания жаловаться на судьбу...»

Ольга Криворучко

**Гимназия № 1, г. Зерноград, Ростовская область,
научный руководитель Э.Н. Берсенева**

Моя работа посвящена Вере Федоровне Берсеновой – женщине необыкновенной, удивительно одаренной и красивой. В основу работы легли ее письма¹, чудом уцелевшие в годы репрессий, в годы войны. В них и личные, и повседневные дела, и история нашей страны. Обе мировых войны, Гражданская война, революция, голод, строительство Магнитки, сталинские лагеря. И на их фоне – история семьи Берсеновых.

Я выбрала лишь некоторые отрывки из писем, поскольку в них есть много очень личного, не для посторонних глаз. Меня потрясла судьба Веры Федоровны Берсеновой, сила и благородство ее духа. Даже в лагере, больная, находящаяся вдали от детей, она не жалуется ни на что, чтобы не причинить боли своим близким.

Начало

Вера Федоровна Берсенева родилась 18/31 марта 1897 года, в поселке Мурзинка при Обуховском металлическом заводе в Санкт-Петербурге.

Отец ее, Федор Аркадьевич Берсенов, был морским офицером, артиллеристом, заведующим бронеотделочной мастерской на заводе.

В 1877 году, в 16 лет, он один отправляется в Петербург, где самостоятельно поступает в Техническое училище Морского ведомства. Оканчивает его через пять лет в звании прапорщика (1882) и с января 1883 года пять лет служит на кораблях Сибирского экипажа. Он участвует в геофизических исследованиях восточного побережья, плавает в Японском и Охотском морях (на клипере «Арбек», винтовой лодке «Горностай»), поднимается по реке Амур. В 1885 году его именем называют бухту и мыс на северо-западной оконечности Тугурского полуострова в Охотском море, открытые им и впервые нанесенные на карту.

Мать Веры Федоровны Елена Константиновна, урожденная Душина, окончила Рождественские курсы лекарских помощниц и фельдшеров в Петербурге. В 1897 году в Санкт-Петербурге открывается единственный тогда в стране институт, дававший женщинам высшее образование: Женский медицинский (в 1917 году он был преобразован в Петроградский медицинский). Елена Константиновна становится студенткой его первого набора (1897–1902), а в дальнейшем – одной из первых русских женщин-врачей.

В январе 1904 года начинается Русско-японская война. Семейная легенда гласит, что когда в мае 1904 года Елена Константиновна переехала из Кронштадта в Петербург для получения диплома об окончании института, Федор Аркадьевич, гуляя в это время с детьми на бульваре в Кронштадте, встретил адмирала Зиновия Петровича Рожественского. Зиновий Петрович тогда спешно собирал свою 2-ю Тихоокеанскую эскадру. Он предложил своему испытанному артиллеристу идти вместе с ним на броненосце «Князь Суворов». Федор Аркадьевич дал согласие. Отец четверых маленьких детей (жена ждала пятого), он, как офицер, не считая себя вправе отказаться от участия в этом заведомо безнадежном походе. Вскоре его назначают флагманским артиллеристом эскадры, и вместе со всем штабом он перебирается на «Суворов».

Летом семья – уже без отца – жила в Ораниенбауме, а осенью переехала в Ревель, где заканчивалось формирование эскадры. Все домашние были возле отца в последние недели перед его морским походом. В сентябре 1904 года семилетняя Вера простилась с отцом навсегда.

2-я Тихоокеанская эскадра вышла из Либавы (Лиепая) 1 октября 1904 года. Из долгого похода через три океана Федор Аркадьевич шлет домой длинные письма, а детям открытки с видами Африки и Мадагаскара. (Вера свято берегла их всю жизнь, но в 1942 году все семейные альбомы при аресте забрали сотрудники НКВД.)

Лето 1905 года семья провела в Финляндии, в поселке Уссикирка. Здесь Елена Константиновна получила из Японии роковую телеграмму: «Полковник Берсенов убит, погиб без страданий» – и известия о гибели русской эскадры².

В сентябре 1907 года 10-летняя Вера поступила в Выборгское восьмиклассное коммерческое училище в Петербурге. Это была школа нового типа, организованная группой прогрессивных педагогов-энтузиастов, которые поставили задачу воспитывать детей в тесной связи с жизнью современного русского общества. В школе поощрялись любознательность, самостоятельное мышление, разнообразное творчество. Это была одна из прогрессивных неказенных демократических школ. Она давала очень серьезное гуманитарное образование. Эта школа – светлое воспоминание на всю жизнь для всех в ней учившихся. Здесь у Веры появились верные друзья, и среди них – Марианна Алексеевна Борисяк. Письма Веры Федоровны к ней с 1911 по 1942 год, отразившие почти целую жизнь, по счастью, сохранились.

Весной 1912 года мать везет всех детей за границу. Берлин, Люцерн... Три лета подряд отдыхают они в Немецкой Швейцарии.

5 августа 1912 года Вера пишет своей подруге Марианне:

«Ты спрашиваешь, какое впечатление произвела на меня Западная Европа. Но я очень мало еще была в здешних городах. Только в Берлине, Люцерне. Тут все ужасно интересное, новое и невиданное и такое чужое, непохожее на наше русское. Много очень хорошо, но есть, как везде, и ошибки. Мне, как истинной патриотке, тут наскучило бы. Слишком чуждо и непонятно все тут. А к России мое отношение, конечно, не изменилось».

К осени 1912 года Берсеновы перебираются на юг Франции, в Монпелье (Montpellier), древний город вблизи побережья Средиземного моря. Зимой 1912/13 года Вера и Тамара Берсеновы учатся в Лицее для девочек (Licee de Junnes Filles de Montpellier).

«Я, изволите ли видеть, поступила в здешний лицей. Это с моими-то блестящими познаниями в области французского языка! До пяти часов в лицее (в полдень прихожу домой обежать). Затем до половины одиннадцатого учу уроки, в шесть часов встаю, опять принимаюсь за них же, в восемь – в лицей, и опять до пяти. Голова кругом идет. На уроках первые дни сидела как дура, ничего не понимала. Теперь, слава богу, стала понемножку понимать. Беру книгу и учу слово в слово страницу за страницей, потому что слова все незнакомые, не то что по-русски. А по истории задают по 20 страниц, по гигиене страниц 12.

Тысячу раз на дню вспоманешь нашу школу, сидя в этом лицее. Вот где дисциплина-то! Ни охнуть, ни вздохнуть! То встань, то сядь, то туда гляди, то сюда! Классная дама злющая-презлющая! Чуть что, сейчас „mauvaise note“. Это значит кол по поведению. Ставят отметки за все, даже за то, как сидишь на пустых часах. Пустые часы называются „Emude“, и на них надо сидеть смирно и готовить уроки к следующему дню.

Тут все ужасаются, когда я говорю, что училась вместе с мальчиками. По их мнению, это верх неприличия. Ну, что поделаешь, зато выучусь французскому языку. Это чего-нибудь да стоит. Если Бог даст, вернусь осенью в Россию».

«У нас, если ветер подует, так только с моря, из Африки, – теплый, теплый, ласкает своим дыханием, шумит ветвями вековых кедров и посыпает розовыми лепестками миндалей дорогу. А другого ветра не бывает.

А знаешь, как здесь ни хорошо, ни красиво, чего бы я не дала, чтобы очутиться в России, увидеть серый, промозглый Питер, ряды огоньков над Невой, почувствовать холодное дуновение ветра и острые иголки снега на лице... „Вернуться бы в Россию!“ Осталось 217 дней. Высчитала точно. Это в случае, если вернемся к сентябрю. Поскорей бы, поскорее... В лицее я немного освоилась, они ко мне попривыкли, хоть и все продолжают удивляться резкости и завершенности моих мыслей и отсталости от моды моих платьев. Учительница истории и литературы замечательно умная и всесторонне образованная женщина. В ней этой французской манерности совсем нет, а уроки у ней как интересны! Вот бы тебе послушать, Марьяся, как она рассказывает о Великой Революции! Сидишь и боишься пропустить слово. Первое время я плохо понимала, да и то было интересно на ее уроках. А теперь и говорить нечего. Знаешь, я Великую Революцию прослушала у французов, а это не всякому дается; теперь я ее вот как знаю!» (Монпелье, 8 февраля 1913 года).

В апреле 15-летняя Вера поступает в здешний университет. Французским Вера овладевает в совершенстве, много читает по-французски. Изучает также и другие языки, хорошо владеет немецким.

4-й класс ВВКУ

Вера, Андрей, Тамара. Лето 1904 года

Больная Вера Федоровна с детьми. 1930

Вера Федоровна. Лосинка, 1928

Вера. Сентябрь 1917 года

1 августа 1914 года Германия объявляет войну России. Известие о неожиданно начавшейся войне застает семью в Швейцарии. Они принимают решение немедленно вернуться на родину. Назад в Россию ехали целых три недели с громадной партией русских людей.

Поселились в Петрограде на Тихвинской улице Выборгской стороны (на три года – до осени 1917-го). Вера рада была оказаться вновь в своей любимой школе. В 1915 году Елена Константиновна работает хирургом в лазарете. Вера учится на курсах сестер милосердия, какое-то время работает у матери операционной сестрой. Навыки медицинской работы очень пригодились ей много позже, в самые страшные последние годы жизни. Она продолжает учебу в школе, отлично ее заканчивает.

1917 год

В октябре 1917 года семья оказывается в Москве.

В одном из писем Марианне Вера Федоровна описывает события в Москве осенью 1917 года.

«.. Вы в Петербурге о Москве знаете тьму-тьмушую, а в сущности, ничего не знаете. Вчера мы получили петербургские газеты и удивились, что черным по белому пишут о бедной Москве такие вещи, которых она сама о себе и не слыхала.

Между прочим, в воскресенье я совершила длинную экскурсию по городу с целью посмотреть поле битвы и причиненные опустошения. Потому что хоть и говорят и пишут о них слишком много, но теперь у меня система – не верить вполне ничему, что говорят люди, а стараться все увидеть самой.

Разрушено и пострадало многое, но могло быть гораздо больше, принимая во внимание, что палили добросовестно целую неделю и выпускали по несколько сот снарядов ежедневно.

Конечно, что делается в Кремле, я вполне не знаю. Могу судить лишь о том, что видно с набережной Москвы-реки, так как ворота все заперты и внутрь никого не пускают. Оттуда же видны только большая брешь в куполе Успенского собора и обвалившийся угол Благовещенского собора. Что стало с Чудовым монастырем – неизвестно. Василий Блаженный стоит цел. Не скажу, что невредим, так как все же он потерял все стекла в окнах, обращенных к Кремлю, и в него попадали ружейные пули. Но большего вреда ему не причинили. Очень сильно повреждены прекрасные Никольские ворота; у угловой, самой красивой башни снесен верх. В Иверской часовне засело несколько ружейных пуль, Городская дума имеет три или четыре бреши в стене, обращенной на Театральную площадь, много выбитых стекол, много обвалившихся кирпичей. Прекрасное здание отеля Metropol изувечено ужасно – оно больше никуда не годится, но Врубелевская „Принцесса Греза“ жива и невредима каким-то чудом. Другие фрески уничтожены.

Теперь жизнь входит в норму. Завтра начнутся занятия у нас в университете. Сегодня уже открыты библиотека и читальня. Я там уже посидела немножко (читальня – мое самое любимое место в университете). Кое-где в гимназиях уже начали заниматься с сегодняшнего дня. Трамваи начали ходить там, где не испорчены пути и провода (правда, таких мест не очень много, преимущественно это окраины). Люди немного оправились от пережитого ужаса. Но как-то не верится, что это – конец. Все еще чего-то ждут, чего-то боятся. Очень тороплюсь писать – темнеет. Теперь ведь мы всецело зависим от солнышка – ни керосину, ни электричества нет. С наступлением сумерек сидим все с одной свечой» (Москва, 7 ноября 1917 года).

«Мы сидим теперь совсем без денег. У меня теперь слепая ненависть и презрение к теперешней господствующей партии. Эта ненависть меня мучает очень, как болезнь. Мир кажется таким отвратительным, все происходящее – сплошным кошмаром. Хочется уснуть и больше не просыпаться, потому что все равно ничего хорошего больше не увидишь» (Москва, 30 ноября 1917 года).

В этом письме отчаяние оттого, что она, дочь царского офицера, не может найти работу, что вокруг разруха и голод. Ушел в прошлое мир до 1917 года. Вера Федоровна выражает слишком откровенно свое отношение к большевикам. Ей очень повезло, что Марианна оказалась преданной подругой и эти строчки не стали объектом внимания ЧК.

Мытарства 20-х годов

Началась Гражданская война, голод. 1919 год был полон грозных событий. Елена Константиновна едет как врач с большой партией детей из Москвы на лето на Украину, пытаясь таким образом спасти их от голода. С ней отправились Вера и Тамара. Дети с педагогами разместились в нескольких близлежащих селах и на хуторах где-то в глубинке южнее Полтавы. Летом 1919 года всю эту область заняла денкинская армия. Вера перед приходом белых колола дрова и топором поранила себе руку, носила повязку. Солдаты неожиданно заподозрили ее в том, что рука ранена во время боя, чуть не расстреляли. Москвичам пришлось туго.

Об этом в семье сохранились записи 19-летней Тамары Берсеновой:

«Вот уже 7 месяцев, как мы здесь – в случайных, не приспособленных для этого помещениях, бараках, без средств, без денег, без теплой одежды, а главное – без вестей с родины. Единственно, кто спасет нас, – это Полтавская Лига Спасения Детей, которая из последних сил бьется, чтоб не дать нам погибнуть, снабжая провизией и кой-каким платьем. Белые же откровенно заявили нам: „надейтесь на себя сами“, и все лето все колонии, все дети от мала до велика работали „на степу“, на жнивах, мельницах, заводах, зарабатывая себе пропитание. А вернувшиеся помещики часто гнали из своих усадеб. В то же время случайные, чисто разбойничьи шайки, одинаково враждебные и белым и красным, грозили, со своей стороны, повывгнать „проклятых панских собак“ (то есть нас и детей) и действительно однажды подожгли ночью громадное Струковское имение и дом, где спало до ста детей. Дети повывскакивали в рубашонках на улицу, а все их имущество, весь заработанный летом хлеб сгорел... Во многих колониях был повальный сыпняк. Вера Федоровна и Елена Константиновна неделями ездили, не возвращаясь домой, едва успевая обслужить всех больных. Но все же из детей умерло только 2–3 человека (от разных болезней), а учителей и родителей – человек пятнадцать. Это лишь до Нового года, а эпидемия продолжалась всю зиму; весной дело обстояло еще хуже».

По возвращении в Москву Вера Федоровна долго ищет работу, жилье. Она была рада любой работе, дающей кусок хлеба и крышу над головой.

«Я поступила на службу – ты не угадаешь куда – воспитательницей в дом для умственно отсталых детей. Со всеми службами у меня ничего не вышло. Нигде нет пайков, жалованье пустяшное, жить этим немисливо, продукты кончились, денег нет, на квартире меня прописать Жилотдел отказал категорически, велели искать комнату в районе службы. Я уже переехала. Здесь мне очень нравится. Из моего окошечка, низенького и, как в старинных домах, маленького, видны зеленые крыши, кое-где деревья между ними и золотые кресты церквей. Дом на Ордынке, за Москвой-рекой, в двух шагах от Третьяковской галереи. Это какой-то громадный старинный особняк, с домовою церковью (превращенной теперь в спальню для детей), с громадными резными дверями в парадных комнатах, с залой, отделанной черным деревом и обитой шелком, с бесконечным количеством комнат и комнаток, лестниц, коридоров, переходов, кладовых, закоулков и неожиданных уголков. Ты знаешь мою любовь к такого рода домам. Мне все здесь нравится, хотя дом в очень скверном состоянии, полуразрушен и грязен, все ручки у дверей отломаны, скульптурные украшения отбиты, – словом, все имеет запустелый вид. Жаль. Здесь можно было бы мечтать о самых поэтических встречах, воображать себе прежнюю жизнь в самых причудливых формах.

Дежурить я должна через сутки. От четырех дня до десяти утра, затем свободна до четырех часов следующего дня. Времени, как видишь, остается масса. Буду ходить в Румянцевскую библиотеку заниматься. Я уж была там несколько раз, но урывками, потому что все эти глупые хлопоты с переездом, пропиской, переноской вещей и т. д.» (подруге Марианне, Москва, 17 апреля 1921 года).

Но с ноября 1921 по январь 1922 года Вера Федоровна, ее мама Елена Константиновна, брат Степан и сестра Тамара арестованы и сидят в Бутырках два с половиной месяца. Для новой власти они – подозрительные элементы. Режим, впрочем, у них в тюрьме был относительно вольный. Содержались они все вместе в каком-то обширном помещении, получали передачи и были выпущены без последствий. В тюрьме у Веры Федоровны начинаются явления паралича левой руки. Это только начало болезни, и пока никто из врачей ничего толком не может сказать.

«Не могла тебе писать все это время, так как сидела в тюрьме по глупому поводу или, вернее, совсем без повода. Отсидела, однако, два с половиной месяца и только на днях вышла. Чувствую себя сносно, хотя очень ослабела и почти не владею левой рукой – парализовалась она на почве нервного расстройства. Нужно лечить усиленно, так как она начинает сохнуть, мышцы атрофируются» (письмо подруге, Москва, 18 января 1922 года).

По этим письмам Веры Федоровны видно, какие тяжелые испытания преподносила ей судьба и как мужественно она с ними боролась. Осенью Вера Федоровна возвращается к своей работе на Врачебно-наблюдательном пункте, где ее высоко ценят как прекрасного педолога и психолога и поручают наиболее сложных больных.

Вера Федоровна – женщина неординарных способностей, даже в работе с тяжелобольными детьми она имела хорошие результаты. Но эти несчастные дети оказались никому не нужны, и учреждение закрыли. Следующее письмо говорит об ее отчаянии.

«Дом, где я работала, закрылся по распоряжению свыше, – научная работа считается делом второстепенным, если не совсем ненужным, и учреждение оказалось закрытым, а персонал – распушенным. Итак, я больше не имею в Москве ни работы, ни угла, где жить, и как я из этого положения выйду – пока еще себе не представляю. По роковому стечению обстоятельств это случилось как раз в момент, когда мне труднее, чем когда-либо, что-нибудь предпринимать и устраивать. С грудным ребенком на руках меня едва ли примут на какое-нибудь новое место. И главное – невозможно найти квартиры» (20 июня 1923 года).

Эти строки дали возможность мне узнать, как в первые годы советской власти были не защищены права человека. И никто не посмотрел, что она осталась с грудным ребенком на руках без средств к существованию. Но на этом мучения не закончились. Вера Федоровна стала жить с мужем в школе. И, конечно, во время занятий ей приходилось куда-нибудь уходить, в любую погоду – с маленьким ребенком на руках.

«Перетерпела тут ряд хождений по мукам, но теперь стало как будто немного легче жить. Хорошо уже то, что мы переселились в свою комнату, если только можно назвать „комнатой“ то помещение, которое мы занимаем... Это часть класса, отгороженная стеклянной перегородкой. Она достаточно просторна для нас, но имеет тот недостаток, что нам с сыном приходится оттуда уходить в 8 часов утра, из опасения, что сын может нарушить тишину и спокойствие во время классных занятий. После двенадцати мы имеем право возвращаться, и остальная часть дня проходит без дальнейших волнений.

Пишу тебе в приемной врача, куда я хожу лечить свою парализованную руку. Он делает мне прижигания позвоночника, но за успех не ручается. Я соглашаюсь на это безо всякой надежды на улучшение. Он до сих пор не знает, что это за болезнь, но нравится мне уже то, что он ничего не обещает и не обманывает меня, притворяясь, что все знает и понимает, как делали другие врачи» (Москва, 12 апреля 1924 года).

Но мытарства Веры Федоровны и ее семьи продолжают.

«Разгар передраги. Передрага же состояла в том, что в один прекрасный день, вернувшись со службы, я узнала, что нам предписывается немедленно выселиться из нашей фантастической комнаты на заводе. Это было уже довольно неожиданно и поразило меня, но когда я, придя на другой день на службу, попросила, чтоб мне предоставили комнату там, как все время обещали, и когда на эту справедливую просьбу получила категорический отказ, то это было для меня вдвое неожиданно и поразило меня в десять раз больше. Так что я еле добралась до дому и была в полном отчаянии. Выселиться было решительно некуда, и денег в кармане не было ни копейки, если не считать отрицательного количества долгов. Поступок нашей заведующей показался мне до такой степени возмутительным и так она мне опротивела после своей фразы: „Что же делать, идите на улицу“ (это зная, что у меня крошечный ребенок), что я немедленно отказалась от места, даже не отдавая себе хорошо отчета, что же мне, собственно, делать дальше. Вечером вдруг прибежал наш Андрей (брат) – „Меня вычислили!“ —объявил он сразу (т. е. отчислили). Этого уж я никак не ожидала... Посидели некоторое время, молча, потом он рассказал, как это случилось. Оказывается, докопались до его происхождения. „Я подал обжалование, но вряд ли что выйдет“...

Я стала хлопотать о новом месте и занялась сдачей экспертизы при МОНО. И то и другое окончилось успешно. Экспертизу я сдала и получила обещание быть принятой на место в

Дом Ребенка в Лосином Острове (10 верст от Москвы). Место это откроется в августе месяце. Условия показались мне подходящими, и я подала заявление, решив съездить на лето отдохнуть в Вологде. Здоровьишко очень расшаталось в это тяжелое время.

Андрей просит тебя очень, если сможешь, зайти в Училище и взять там справку об его окончании в 1916 году. Только пусть не пишут, чей он сын! Сделай, пожалуйста, это ему необходимо для продолжения ученья в Институте» (Вологда, 7 июля 1924 года).

Вся семья пребывала в волнении, что раскроется, что Андрей сын русского офицера – дворянин, и его не восстановят в институте для продолжения учебы.

А у Веры Федоровны снова появляется работа в Подмоскovie в детском санатории. Она очень рада, что одновременно решила все проблемы с жильем, о чем свидетельствует следующее письмо.

«Работы – выше головы. И главное – я устаю и плохо себя чувствую, по обыкновению.

В тот день, когда ты проезжала Москву, у меня в отделении была группа врачей-стажеров, которых я должна была посвящать в тайны педагогики младенчества... Принимать и просвещать стажеров входит в круг моих новых обязанностей. В течение июня их прошло несколько групп. Я каждый раз глупо волнуюсь.

Говорить перед чужой аудиторией хотя бы в 10–15 человек составляет для меня неимоверный труд. В Выборгском училище нас не обучали публичным выступлениям – в этом пробел нашего воспитания, и я теперь его очень чувствую. Сейчас у меня в отделении дифтерит. Уже трое ребят заболело за последние 20 дней. Живем в вечном страхе и трепете.

Тут мне еще поручили две статьи. Я их писала по ночам и вечерам. Вообще же дела хватает, а сил нет. Живется трудно – и материально, и морально, да делать нечего, надо терпеть и жить, жить и терпеть. Можешь себе представить, что со времени своего приезда из Питера я даже не была ни разу в кино» (Лосиноостровская, 13 июля 1924 года).

Она много и упорно трудится. Ей предлагают сотрудничество с газетами, журналами. Она пишет различные статьи, связанные с медициной, педагогикой. У меня не было возможности познакомиться с ее научными работами, но, читая письма разных лет, я восхищалась ее литературным даром. Об этом свидетельствуют яркие описания жизни в Европе, трагедии в Москве, на Украине.

«Моя большая статья готова в печать, а в пятницу я имела честь читать весьма важный доклад перед педологами, в Педологическом обществе. Волновалась до того, что доехала домой чуть живая. Кроме работы в отделении, я работаю в нескольких педагогических комиссиях и кружках. Пишу сразу две брошюры, и, вероятно, поэтому ни одна из них не двигается» (Лосиноостровская, 19 декабря 1926 года).

В это время Вера Федоровна переживает семейный кризис – она разводится с мужем и сообщает об этом подруге.

«Марианна, милый мой сердечный друг!

Весь крик и скандал, которые поднялись вокруг моего развода и нового брака, не омрачили моей радости и не поколебали моей уверенности.

Тем более что люди действительно мне близкие – моя мать, братья и сестра – всецело меня оправдали и радуются моей радостью» (Лосинка, 2 ноября 1928 года).

С новым браком начинается новая страница в ее жизни. Восстанавливать ее мы будем по многим сохранившимся письмам Веры Федоровны.

В это нелегкое время Вера Федоровна пишет знаменательные слова: «Я же не имею основания жаловаться на судьбу, которая всегда была ко мне щедра. Она дарила мне радость и горе полной мерой, и я никогда не забывала, что живу. Это мне кажется самым главным, и я довольна, а другие, вероятно, считают иначе...

Сейчас для меня дети – самое главное дело. Хочу, чтоб еще один ребенок был – сын».

Магнитогорск

Вспоминает муж Веры Федоровны:

«Когда я приехал в Институт, заседание месткома уже шло. Я сел в сторонку и стал прислушиваться, о чем жаркий спор. Оказалось, что речь идет о „профсоюзной мобилизации“ тридцати врачей, работников медицинских институтов Москвы, для трех новостроек: Кузнецк, Магнитогорск и Березняки. Не менее чем на 1 год. Условия зарплаты и снабжения повышенные. Необходимы инициативные, опытные работники. К концу заседания я для себя решил – еду в Магнитогорск! Кузнецк слишком уж далек, а Березняки слишком северны. Магнитогорск мне представился и теплей, и в Уральских горах, и среди дремучих лесов. Там будет привольно. Согласится ли жена?»

Когда мы проезжали последний отрезок пути, Карталы – Магнитогорск, я почувствовал большое разочарование: вместо ожидавшихся мною гор и лесов, мы увидели голую и ровную, как тарелка, степь. Второе разочарование – это река Урал, оказавшаяся в этих местах совсем узенькой, невзрачной речкой. Плотины тогда только что были закончены, и наполнение будущего водоема только начиналось. Затем дальше – гора Магнитная. Что же это за гора?! Не гора, а несколько сбившихся в кучку высоких голых холмов среди степи. Ничего, на чем бы мог остановиться глаз, чему могла бы порадоваться душа. Вместо вокзала – два вагона. Земля во многих местах изрыта, вскопана; всюду густая пыль. Можно ли себе представить что-либо более удручающее, безотрадное, чем эти наскоро сколоченные низенькие сараи, переполненные до отказа семейными и холостыми, взрослыми и детьми, начиная с грудных! Общие нары, семьи отгорожены тряпичными занавесками. Кругом грязь, отбросы, бумага, щепки, пыль, пыль и пыль...

.. Социалистический город не только еще не строится, но даже неизвестно еще место, где он будет строиться. Громадное большинство жителей – а их уже имеется 70 000 человек, а к зиме будет 120 000 – живет в общих бараках, в которых зимой было и холодно (мало угля) и очень сыро (так как вселяли, конечно, в совершенно еще непросушенные бараки). Некоторое количество более привилегированных живет во временных (тоже полубарачного типа) домах, одно-и двухэтажных, небольших. Затем еще более привилегированные живут в гостинице, имеющей около 250 номеров. И, наконец, самая верхушка строительства живет в американском поселке, где, говорят, совсем хорошо; даже березовая рощица есть.

Теперь о питании. Не лучше, чем в других местах, и хуже, чем с таким трудом достаемый домашний московский стол. Вода скверная, мутная, хлорированная. (Говорят, что найдены источники и будет хорошая вода.) В дешевых столовых церабкоопы обед стоит только 25 копеек; но, говорят, что он вполне и соответствует по качеству этой цене.

Из детских учреждений имеется: одна консультация, двое яслей по 75-100 человек, две детские амбулатории; из них одна чисто лечебная, другая под профилактической амбулаторией типа ОЗД. Имеется при родильном приюте детская комнатка (до 30 человек новорожденных) и при терапевтическом отделении палата на 10 человек детей. Если почти все эти учреждения плохи, то особенно из рук вон скверна эта палата. Дети лежат на больших кроватях вместе с матерями, которые за ними „ухаживают“. Комментарии излишни.

Кадров, по существу, для всех этих учреждений нет»³.

Это уникальные подробности начала строительства Магнитки и медицинского обслуживания там.

«Двадцать дней я прожила в Магнитогорске. Видела все чудеса. Была очарована и покорена и решила: буду тут жить. Все, с кем я говорила, все твердили: „Уезжать! Уезжать! В Москву! В Москву! Неужели вы хотите бросить Москву?!“ А мне нравилось. Я везде побывала, все излазила, видела такое, чего многие из давно живущих здесь не видели. Мне все

нравилось. И пейзаж здешний не казался унылым. Тут все горки и холмы кругом, широкая зеленая долина реки Урала, а на горизонте Уральский хребет. Краски чистые, видно далеко-далеко, а все-таки глазу есть за что зацепиться, не то что в степи. Я ведь степь не люблю.

О строительстве здешнем написано много и, вероятно, лучше, чем я могу написать, так что об этом мне рассказывать нечего. Я все это видела. В первый раз в жизни в таких размерах. Видела, как роют котлованы, как льют бетон, как работают подъемные краны. Поднималась на леса домен (тогда они еще были в лесах), на эстакаду. Словом, все, что можно было посмотреть, посмотрела. С горы Атач, там, где главный рудник, – вид изумительный. Я смотрела оттуда на заход солнца. А под ногами – весь Магнитострой, пруд и дальше – Урал-река. Очень хорошо!

Жизнь тут – фронтовая, работа – бешеная. Романтики и героизма – сколько хочешь. Безобразного – тоже достаточно. Но оно временное и преодолимое, и это всеми так чувствуется. То есть не всеми, пожалуй, но это не важно. Но это мелочь по сравнению с главным, основным настроением» (Вера Федоровна – Марианне, Магнитогорск, 15 декабря 1931 года).

Сохранились воспоминания о том, как семья Краузе прибыла в Магнитку: «Подъезжаем к Магнитке, и вдруг слышу: „Есть тут врач Краузе с семьей?“ – „Есть, есть! Сюда!“ Появляются два дюжих возчика. „Где вещи? Много ли? Мы вас повезем в гостиницу“.

В Первой гостинице Американского поселка нас во втором часу ночи встречает приветливая хозяйка ее. Она ведет нас на второй этаж и в конце длинного коридора открывает дверь довольно обширной комнаты – нашего нового жилья. Тепло, – центральное отопление, – ярко светло. На окнах красивые занавески; пружинные кровати, заправленные чистым постельным бельем! Прямо не верится. Какой контраст нашим опасениям, темноте и холоду в вагоне! Хозяйка обещает нам чай. Видимо, она получила какие-то директивы. Действительно, не успели мы еще опомниться, как нам уже принесли чай, булки, масло, колбасу! Это все было сказочно неожиданно и великолепно. Весело мы все четверо „заправлялись“. Уложили детей, тотчас уснувших в мягких постелях. А мы долго не могли прийти в себя от тепла, уюта и доброй, радушной встречи. Эта первая ночь нашей семьи на Магнитке предвещала нам и дальнейшие удачи в нашей новой жизни. Мы были счастливы...

На другой день мы проснулись при ярком солнце и синем небе. Такая погода длилась всю позднюю осень и почти всю зиму [1931 года], страшно нам понравилась и наложила свой отпечаток на все первые месяцы жизни на новом месте.

Окружавшие нас люди сразу же стали к нам относиться очень приветливо».

Воспоминания Елены, дочери Веры Федоровны: «Немалую роль в общей доброжелательности к нам сыграла, конечно, мама. Она сразу же своей красотой, простотой и приветливостью в обращении привлекла всеобщее внимание. Взоры всех обедающих обращались на маленькую группу, когда они входили в инженерно-техническую столовую на обед: Вера Федоровна с двумя детьми, – это была действительно красивая картина счастливой и ладной семьи».

Вера Федоровна – Марианне, Магнитогорск, 15 декабря 1931 года: «Магнитогорск произвел на меня, несмотря на все свое кажущееся безобразие и беспорядочность, громадное чисто эстетическое впечатление. И мне ужасно захотелось видеть его еще и еще, видеть, как он растет и хорошеет, видеть сделанным то, что делается так изумительно, – словом, жить тут. И жалко только одного, что уж не имею возможности приложить к этому делу своих собственных рук.

А выглядит это так: на десятки квадратных километров люди перерыли всю землю. Все, что лежало глубоко внутри, выволокли всеми правдами и неправдами на поверхность и набросали огромными кучами, длинными высокими хребтами так, что ни пройти, ни проехать. За хребтами и буграми – ямы, в каждой из которых можно установить по несколько домов и засыпать их там вместе с крышей. Канавы такой глубины, что если по дну их пойдет пароход, то он не будет виден с поверхности... И вся эта земля непрерывно таскается с места на место какими-то механическими жужжащими, стрекочущими и воющими чудовищами, а где – начало, где –

конец этому делу, глазом не охватить. И среди беспорядка, подобный которому был, вероятно, лишь в дни сотворения мира, маленькие, серые комочки, похожие цветом на всю эту развороченную, вздыбленную землю, копошатся быстро или движутся медленно и строят прямо в небо башни, трубы, мосты, лестницы и здания невиданных форм. И поразительно то, что люди эти очень маленькие, и то, что их очень мало, и непостижимо, как это они могли перековеркать столько земли и нагромоздить все эти башни и трубы, которые грозят подпереть самое небо и пустить дым в лицо самому Господу Богу.

Живут эти люди в бараках, сотни которых разместилось везде, тут же, среди этой развороченной земли, на склонах перепаханных гор, везде, где только можно.

Кроме бараков, жили в палатках, землянках, юртах, конурках, сколоченных из досок, словом – под всякой крышей. Самые счастливые и благоустроенные живут в двухэтажных деревянных домах, выстроенных на скорую руку. Кипяток получали из „Титанов“, стоящих на перекрестках, вместе с общественными уборными. Питаются в общественных столовых, которые помещаются, как и все, в бараках, подобных длинным сараям. Стряпается вся эта пища на фабриках-кухнях. Едят, преимущественно, мясо и хлеб. Работают все как бешеные, даже американцы удивляются...

Видала я группу немцев, работающих на постройке Соцгорода. Они были, видимо, живо и искренне заинтересованы строительством. Жили они в общежитии возле места своей работы. Это далеко отсюда, верст 8 будет...

Теперь – как мы живем? Очень хорошо, несмотря на то что обещанная нам квартира так же далека от окончания, как была в августе месяце. Нас поселили в гостинице. Сначала в маленькой комнате, но очень быстро перевели в большую (5х5 метров). Комната угловая, во втором этаже, имеет четыре окна, из которых видны горы... Вечером мы видим, как розовеют горы. Зори здесь изумительные. Таких я нигде не видела, даже над Финским заливом. Все, кто сюда приезжает, ими поражаются.

Дома мы пока не имеем никакого очага, кроме маленькой спиртовки, на которой разогреваем молоко для Еленки. Всю пищу получаем в готовом виде.

Единственное, от чего я страдаю в Магнитогорске, – это отсутствие родных и близких друзей».

Воспоминания Елены, дочери Веры Федоровны: «Важное событие произошло 11 июня 1932 года: наша семья переехала в собственную квартиру, специально выстроенную в IV гостинице на втором этаже.

В городе активнейшим образом проводилось озеленение. Высаживалось великое множество саженцев деревьев и кустарников всевозможных пород. Все в этом участвовали. Деревья очень быстро разрослись. В августе папе было поручено совершенно новое дело: организация большой детской пищевой станции (ДПС) на современном уровне. Аналогичных в стране не было.

К концу 1932 года уже и на Магнитке стало плохо со снабжением. Масло пропало совершенно, сахару давали очень мало. В 1933 году жизнь становилась все тяжелее. Голод, уже давно терзающий всю страну, докатился и до Магнитогорска, теряющего прелесть и преимущества „ударной стройки“».

Из письма Веры Федоровны из Магнитогорска от 9 марта 1933 года:

«Материально нам живется теперь несравненно хуже, чем прежде. Продовольственный кризис проник даже в наши „Березки“. Кормят нас уже плохо и дорого. Наших денег едва хватает, чтобы кое-как держаться.

У нас на строительстве произошла полная смена командования. Для нас это плохо. Все люди, с которыми мы уже сжились, с которыми установились если не дружеские, то хорошие приятельские отношения, одни за другими уезжают. На их место приезжают новые, нам совсем

чужие. Я чувствую себя очень одинокой. Вводятся новые порядки. Может быть, они и не хуже старых, но кажутся такими, потому что новые, непривычные... И жить труднее.

Я часто думаю о надвигающемся голоде и очень его боюсь. Как переживать голод с детьми? Уже нет того запаса сил, той сопротивляемости, которая была в молодости».

Тяжелейшее известие принес апрель 1933 года: скончалась мама Веры Федоровны – Елена Константиновна. Связи между отдельными членами семьи Берсеновых с этого времени стали быстро и необратимо ослабевать.

Вера Федоровна через некоторое время устраивается на работу. Здесь пригодились ее образование, полученное еще до революции 1917 года, знание нескольких иностранных языков. Об этом она рассказывает сама.

«Уже три с лишним месяца снова честно зарабатываю свой хлеб. Только нынешний мой род деятельности не имеет ничего общего с прежним. Я работаю в Научно-технической библиотеке Комбината переводчиком и ведаю иностранным ее отделом. Работа спокойная, стариковская. За весь свой рабочий день я могу иногда не сказать ни слова с людьми и имею дело исключительно с книгами. А книги – спокойный народ. Особенно – научно-технические. Они говорят языком тяжеловесно важным о вещах эпических и сугубо конкретных.

Работа моя заключается в том, что я привожу в библиотечный порядок заброшенный и запущенный иностранный фонд – классифицирую книги и составляю на них каталоги и, кроме того, перевожу технические и научные статьи из текущих иностранных журналов: немецких, французских и английских...

Магнитогорск растет, и мы все крепче в него врастаем. Люди приезжают и уезжают снова. Уже немало людей прошло за эти годы перед нами. Большинство смотрит на свою жизнь здесь как на временный и не совсем приятный эпизод и уезжают с радостью. А нам, если придется уезжать, это будет очень трудно и больно. Мы живем здесь четвертый год и можем уже подвести некоторые итоги.

У нас есть радио – чудесный ящик, благодаря которому мы слышим голоса всей Европы и, главное, массу музыки. Каждый вечер у нас музыка – опера или концерт, что пожелаем. И я снова слушаю симфонии Бетховена и Чайковского, концерты Баха, Гайдна, Генделя и все оперы. Причем Миланская опера бывает слышна нам не хуже Московской. Слышимость замечательная. В столицах, говорят, о такой и не мечтают.

Ты не представляешь себе, какую большую роль играют книги в нашей жизни» (7 ноября 1934 года).

Война

Далее я хочу привести воспоминания сына Веры Федоровны – Оскара Краузе. Цепкая детская память сохранила даже мелкие подробности быта военной поры, которые не найдешь ни в каком другом источнике.

1941 год. Оскар вспоминает: «Вероятно, как и год назад, строили планы летного отдыха на лоне природы. Немцы воевали с англичанами и французами. К этому уже как-то привыкли. Но вот однажды в жаркое солнечное воскресенье, когда мы с Леной гуляли перед домом, нас кто-то позвал домой с балкона. Голос был тревожный, совсем необычный. Что такое? Началась война... Мы прибежали домой. Мама была очень расстроена. Она тихо плакала, что было уж совершенно из ряда вон выходящим событием. Отец был очень серьезен.

Я понял, что случилось что-то действительно важное, что касается всех нас.

.. Быстро все стало меняться. Сразу выстроились громадные очереди в магазины. Впрочем, там и раньше стояли очереди. Но теперь – совсем другое дело. Стали напрочь пропадать продукты. Я помню, как в первые недели войны отец приносил из буфета бутерброды с тол-

стыми кусками масла. Масло он ножом перекладывал в масленку. Еще какие-то продукты первое время можно было купить в буфете. Но скоро и это кончилось.

В городе появились массы эвакуированных, большей частью из Украины. Среди них было много евреев, говоривших с характерным акцентом. Люди это были жалкие – по преимуществу женщины, бабки с большим количеством детей. Ко многим приехали близкие и дальние родственники из земель, на которые накатилась война, из западных областей, из Москвы. Позже, на другой год, появились и ленинградцы, перенесшие блокадную зиму. Тесно стало в городе. Школы переполнились и работали уже в три смены. Некоторые из них были закрыты под тыловые военные госпитали.

Мама продолжала работу в заводской библиотеке, причем работала снова полный рабочий день, что было ей очень тяжело. Отец целыми днями пропадал в фельдшерско-акушерской школе. Слияние ее с сестринской произошло, очевидно, из-за недостатка преподавателей, призванных в армию. О нагрузках теперь не спрашивали. Многочисленным госпиталям и фронтам нужно было много фельдшеров и сестер. Очень много, и поскорее. Отец болезненно переживал косые взгляды малознакомых людей, а иногда слышал за спиной и „немчуру проклятую“. Вспомнили, что он ведь – „немец“!»

Арест

Настоящие несчастья семьи все были еще впереди...

Из воспоминаний Оскара Краузе: «Выселяли нас из Магнитогорска интернационалисты-коммунисты, разумеется, не в силу какой-либо вины перед строем, а просто как „немцев“. Кампания была общесоюзная, облисполком лишь взял под козырек.

До сих пор мы не знаем, кто это в последний вечер перед нашей отправкой дал „отбой“ по телефону. Отца вдруг вызвали в горком партии и предложили остаться. Вполне может быть, что это было наше НКВД, где уже созревало „дело“ на отца. Тогда-то мы радовались... Но вполне может быть, что главную роль в последующем сыграла слишком уж привлекательная квартира. Один доброжелатель по фамилии Устинов предупредил, что за отцом следит НКВД. Не зная за собой никакой вины, родители ровно ничего не предпринимали и не скрывали, жили как всегда. Хотя не могли избавиться от гнетущего чувства тревоги...»

Из воспоминаний Фридриха Оскаровича Краузе, мужа Веры Федоровны:

«Тучи над нами сгустились. Наступил вечер 9 марта 1942 года. Легли мы спать.

Просыпаюсь внезапно оттого, что кто-то шарит у меня под подушкой и голос раздается: „Где оружие?“ Я, еще спросонья: „Какое оружие? Нет у меня оружия!“ — „Одевайтесь!“

Я одеваюсь. Вижу, что, кроме следователя МВД, в комнате уже орудуют трое молодцов, взявшихся за полки с книгами. Это продолжается всю ночь и часть следующего дня. Улик не находят. Сваливают все письма моих родных за многие годы в этот мешок. Туда же летят интереснейшие письма Федора Аркадьевича Берсенева, моего тестя, погибшего в Цусимской битве, из похода эскадры адмирала Рожественского во время их плавания кругом Европы, Африки и Азии... Пропал интересный для историков материал очевидца – офицера, инженера-артиллера на флагманском судне „Суворов“. Тем временем Вагин рассматривает и откладывает мои альбомы с открытками заграничных поездок, альбом марок, коллекцию денежных знаков царских времен, Гражданской войны и НЭПа; считает наличные деньги, облигации займов и т. д. Берется за фотоаппараты, патефон, велосипед... Все это время жене и детям не разрешается выход из спальни, я их не вижу, не слышу... Снимаются со стен и проверяются картины. Исчезает отличная, работы первых геологов акварель еще не тронутой горы Магнитной и окружающей ее степи. В мешок идет и сувенир: планкетка, отлитая из первого магнитогорского чугуна. Так этот обыск тянулся примерно до трех часов дня 10 марта. Был вызван грузовик. Из спальни проститься вышли, наконец, жена и дети. Выходя, еще раз обернулся: стоит Вера

и глядит на меня глубоко печальным, напряженным и все же ободряющим взглядом. Рядом Лена с большими, тревожно недоумевающими глазами. А с другой стороны Карик прижался к матери и смотрит на меня испуганным взглядом».

Из воспоминаний Оскара, сына Веры Федоровны: «Арест отца для мамы был жесточайшим ударом, который она с большим трудом сумела перенести. Мы же с Леной еще не умели постигнуть всей глубины случившегося несчастья. Мы твердо были уверены, что произошла какая-то ошибка и отец, разумеется, скоро снова будет с нами. Ведь недаром мы всегда гордились им, как одним из честнейших и нужнейших городу работников. Все вокруг стало быстро меняться. Нашей бедной очень больной маме приходилось одновременно не только преодолевать глубочайшее отчаяние и тревогу, но и непрестанно хлопотать об отце».

Арест отца нанес незаживающую рану детским сердцам. Они были маленькие, но понимали, что остались без отца, старались помогать маме во всем. Это подтверждают слова из следующего письма.

«Мы с Леной и Карей жили трудно, но внутренне очень хорошо, в огромной, глубокой дружбе друг с другом, в заботе друг о друге. Сколько я видела нежного внимания со стороны детей.

Весной мы получили землю под огород: небольшой участок возле дома и большой кусок далеко, за Северным поселком. Это была большая и трудная работа, и мы ее проделали вместе с детьми. Карюня вел себя как взрослый. Он копал до полного изнеможения и кровавых мозолей на ручках и ни за что не соглашался хоть немного отдохнуть.

Такие хорошие, такие умные, добрые и мужественные дети!.. Как они прекрасно себя вели, когда нам так трудно было без тебя. Взрослые люди могли бы у них учиться. Сколько они мне помогали, как старались ни в чем меня не огорчать, сколько усилий прикладывали, чтоб внести немного радости в наш грустный тогда дом! Летом, в июле, я купила им обоим по путевке в санаторные лагеря – на твои деньги, полученные в больнице. Леночка уехала на Банное озеро, а Карик – в Анненск. (Две путевки в один лагерь не продавали.) И представь, что оба они там сделали одно и то же.

В лагерях детям давали каждый день конфеты (у Лены) или шоколад (у Карика). Наши дети не видели сладкого очень давно. И ни тот ни другая не съели ни одной конфеты, ни кусочка шоколада, а складывали, чтоб привезти домой и „устроить праздник“. За весь месяц Ленуся съела одну конфету, которую она выиграла на празднике во время состязаний в беге и прыжках. Она получила премию: тетрадь, карандаш, ручку, какую-то картинку и конфету. Остальные конфеты, печенье и даже булочку, полученную в последний день, она привезла домой. Карюня был очень несчастлив: весь шоколад, скопленный им за целый месяц ежедневного самопожертвования, у него украли в последнее утро пребывания в лагере. Он был в страшном горе. Он столько мечтал о том, как приедет домой, как удивит меня и Лену, как мы все сядем за стол – и – „Будет праздник“.. Он устроит нам с Леной праздник! – Вся эта прекрасная мечта была уничтожена вором. Каря убежал один в лес, и тут Бог послал маленькое утешение в его большом горе: он наткнулся на полянку, полную грибов. Он набрал их полную шапку и карманы курточки. Снял с себя майку и ее наполнил грибами. И вот эти-то грибы он и привез нам из Анненска. И мы с Леной без конца его хвалили, я сделала суп и вареники с грибами, и Леночкины конфеты и печенье были на столе, и у нас все-таки был „праздник“. И Ленуся говорила: „Ты же, Карик, не виноват, что шоколад украли, а мы будем думать, что он тут“...» (Вера Федоровна – мужу, лето 1942 года).

Дети Веры Федоровны. 24 декабря 1938 года

Вера Федоровна с Леной и Кариком. 1939

Вера Федоровна с детьми. 1940

Дом Берсеновых в Магнитке. 1940-е годы

Семья Берсеновых

Мне кажется, что это был один из последних праздников, где они были еще хоть немного счастливы.

Из воспоминаний Оскара, сына Веры Федоровны: «В конце ноября мне исполнилось 10 лет. Мама умудрилась испечь небольшой сладкий пирог и устроить мне праздник. Мне всегда казалось, что маму у нас забрали на следующую ночь. В память врезалось, что остатки праздничного пирога, прикрытые чистой тряпочкой, еще лежали на столе, когда они явились за ней. Самого ареста я не помню совершенно. Видимо, был в шоке. Для меня это был первый настоящий и притом сокрушительный удар, ломающий, коверкающий всю остальную жизнь. Все перед глазами было черно, я задыхался от слез. Никакого сравнения с арестом отца здесь быть не может. Замечательно, что конфискации тогда производились немедленно и основательно, без всяких там постановлений суда и выяснений виновности арестуемого. Опись изъятых вещей и документов составлялась, конечно, весьма и весьма приблизительная. Неудивительно, что потом они таинственно исчезали, якобы „сжигаемые за ненадобностью“. Наша бедная больная мама начала свой мучительный путь по кругам тюремно-лагерного сталинского ада. Об этих последних годах ее жизни мы знаем только из писем ее отцу и нам. В них мало о чем могла она говорить, тем более говорить откровенно. Можно лишь догадываться, какие муки (прежде всего – моральные) она переносила. В семье тети Тамары нам предстояло провести почти четыре года, – срок для детства и ранней юности громадный. Это были самые тяжелые, самые голодные и морально самые трудные годы всей моей жизни. Боюсь, что они наложили свой неизгладимый отпечаток на формирование наших характеров и привычек – след сиротства и нищеты...»

Итак, теперь дети остались еще и без матери. Потерю матери в любом возрасте тяжело пережить, а тем более маленьким детям в военное время.

Карик пишет: «26 июня 1944 г. Здравствуй, дорогая мамуся! Я лежу в тубсанатории. В школе мне посадили укол против брюшного тифа, а от этого сделалось осложнение бронхаденита. Я проболел дней 20, а после, когда стал уже ходить, меня положили сюда, 17 мая. Взве-

шивали 1 июня. Я весил 31 кг 400 г. Второй раз взвешивали 15 июня, и весил тогда уже 33 кг. Прости, что долго не писал. Ко мне долго не приходили. Сама знаешь, какая была пора. А раз не приходили, значит, и бумагу не могли принести.

Кормят здесь хорошо, но домой хочется. На экзамене я почти не волновался. На экзамене я играл Грига „Родная песня“, Майкапара „Вариации на русскую тему“, Баха – одну прелюдию, „Варьированный этюд“ из „Школы“ Рабиновича и Моцарта из сонаты из какой-то, я сам не знаю».

Лена – папе, 23 сентября 1944 года, Магнитогорск: «Здравствуй, дорогой папуленька! Решила начать писать тебе письмо, чтоб ты не беспокоился о нашей жизни, но не буду заканчивать его раньше, чем вернется из совхоза Карик. На каждого работника-ребенка совхоз выделял по 100 м посаженной картошки на смену. Но в благодарность за хорошую работу совхоз добавил каждому ученику еще по одной полоске. Так что теперь у ребят уже 11 полосок. Урожай на картошку – хороший. Если всю эту картошку они привезут домой, то это будет большой вклад в наши запасы. 24-го вечером приехали мальчишки и привезли они со своего огорода 9 мешков картошки. Карик заработал 3 кг лука и 10 кг моркови. Если бы не мальчишки, то, вероятно, эту зиму Карику пришлось бы прожить в детдоме. Теперь, конечно, эта опасность миновала. Я, вероятно, буду работать в столовой. Все эти дни у меня сжимается сердце. Наступают первые дни учебного года, который с таким нетерпением я ждала все лето. Не знаю, есть ли в Ш.Р.М.⁴ 8-10-е классы. Если есть, то я, вероятно, буду учиться в Ш.Р.М.».

Я вижу, что дети старались решать совсем не детские проблемы. Они думали о запасах на зиму на всю семью, зная, что надеяться им не на кого.

«Я лежу в детской больнице. Здесь сестры – все твои ученицы. Сейчас ко мне под села тетя Таня, узнала, что я пишу письмо тебе, и очень просила передать большой-пребольшой привет от нее – Тани Стуленковой. Еще тут есть твоя ученица – не знаю, как ее фамилия. Она, как только узнала, что я – твоя дочка, стала лучше всех за мной ухаживать и внимательнее всех со мной. Из соседнего здания тоже прибежали твои ученицы, чтобы узнать, что и как с тобой, и говорили, чтоб я написала, что твои ученики никогда тебя не забудут и всегда будут вспоминать с теплотой и любовью. И я всегда горжусь, что у меня такой хороший папочка. Целую крепко. Лена, Карик» (Лена – папе, 6 ноября 1944 года).

Добрые дела, совершенные Фридрихом Оскаровичем, не были забыты. Ему посылали благодарности его ученики, хоть это было очень опасно в то время.

«... Я все еще лежу в больнице. В результате исследований довольно-таки скверная штука – начало туберкулеза. А очаг – или как он там называется – знаешь, как раз на стебле, на котором держатся обе дольки легких. Теперь Муся хочет устроить меня в детский тубсанаторий. А у тебя как с обувью? Мы собираемся скоро послать тебе посылку, а если ты совсем разут, то нужно будет что-нибудь предпринимать...» (Лена – папе, 20 ноября 1944 года).

Но вот окончилась война, появились и быстро угасли надежды на освобождение.

«Последние дни все живут под впечатлением указа об амнистии.

Да, конечно, тяжело очень сознавать, что мы „хуже всех“. Та горячая вера в скорое свидание с семьей, которая жила во мне в первое время, угасла. Теперь я много спокойнее и, вероятно, много несчастнее. Как ты провел день победы?

Сейчас подумала: да, пусть я здесь, но все-таки я же дожила до этого дня, мне дано было пережить и прочувствовать радость этого события. Не грех ли мне роптать? Может быть, нам дано будет дожить и до дня мира во всем мире. Может быть, мы увидим день, когда все армии пойдут домой, когда сыновья вернутся к матерям и мужья к женам, чтоб начать жизнь, полную мирного труда и радости.

К весне здоровье несколько пошатнулось – все чаще отмечались подскоки температуры. Врачи установили добавление к моему основному заболеванию – порок сердца + вегетативный

невроз. В июне почувствовала себя заметно лучше. Ем много ягод смородины красной и черной, черники и в этой связи стала вообще лучше есть, и прекратилось падение веса.

Я живу очень однообразно. Все те же маленькие комнаты амбулатории. Сейчас, когда дни длинные и много света, я могу успеть пошить и пользуюсь этим. Из разных тряпочек мастерю себе части одежды. Ведь мой гардероб не обновляется уже скоро три года, и мне трудно подерживать его в сносном виде» (Вера Федоровна – мужу, 17 июля 1945 года).

Особую радость Вера Федоровна испытала после победы над Японией, где погиб ее отец: «Поздравляю тебя с великой победой над старым и новым врагом России – Японией. Через 40 лет отомщены Цусима, Мукден и Порт-Артур. Рухнул последний оплот фашизма в мире. Человечество вздохнет спокойно. Начнется новая, мирная эпоха. Я счастлива, что мои глаза видели эту победу и конец войны. Я сейчас, в общем, здорова и чувствую себя лучше, чем в мае-июне, хотя силы, конечно, и не ахти какие. Внутренне я стала спокойнее, особенно в последнее время» (Вера Федоровна – мужу, 27 августа 1945 года).

Вспоминает Оскар, сын Веры Федоровны: «Это было последнее письмо, написанное мамой перед новым этапом – на этот раз на запад, километров на 600–700, в Восточную Сибирь, в Мариинские лагеря. Этап был во всех отношениях крайне тяжелым. В одну минуту рухнул весь уже как-то установившийся быт, мама попала в самое мрачное окружение, в невыносимые условия. Ее первые письма из нового места читать невыносимо больно...»

Последние годы

9 ноября 1945 г. Мариинск, Кемеровская область.

Верхне-Чебулинское почтовое отделение, почтовый ящик 247/9-3 [написано карандашом]

«У меня не хватало духу писать тебе, милый. Очень уж тяжело на душе, да и обстановка такая, что писать почти невозможно. Я в дороге почти месяц.

Работаю пока на общих работах – первые недели в поле и на овощехранилище, а последнее время гораздо легче – вяжу варежки и носки и сижу в закрытом помещении. Может быть, переведут на работу по специальности, но я сейчас к этому не очень стремлюсь, вязанье меня вполне устраивает. Здешние морозы с непрерывным ветром очень тяжело на меня действовали. Я все время страдала от раздражающего кашля, который мучил меня и днем, и, главное, ночью и лишал меня того короткого сна.

Раньше я все хотела еще пожить и поработать для вас. Теперь стала много скромнее: хочу только взглянуть на вас перед смертью. Для этого живу, ради этой минуты, пусть совсем короткой».

Вере Федоровне с каждым днем становилось все хуже и хуже, но она все равно надеялась, что после окончания войны их дела будут пересмотрены и их отпустят домой, но этого не произошло...

Ночь с 9 на 10 февраля 1946 года, Мариинск: «Мой милый, милый друг!

Я уже писала тебе, что с 16 января по 1 февраля была в доме отдыха за хорошую работу (выполнение нормы на 200 %). Отлежалась, отоспалась, нагуляла 2 кг веса. А с 1 февраля [1946] меня перевели на работу в больницу сестрой. Конечно, трудновато мне, но все-таки так будет лучше. Работаю в тепле. Сутки работаю и сутки отдыхаю. Живу в привычной обстановке работы медицинского учреждения, и это очень хорошо на меня действует. Опять чувствую себя на своем месте и что кому-то нужна, даже такая старая, слабая, беспамятная, неполноценная, как теперь. Может быть, в связи с улучшением общих условий и здоровье наладится».

Каждое ее письмо родным было ободряющим. Она старалась писать так о своей жизни в лагере, чтобы не сделать больно родным.

«Я получила твою бандероль с газетами. Особенно меня тронул номер от дня Победы. Знаю, как ты им дорожил, хранил его все это время на память о великом событии и вот – послал мне. Дошла только нижняя половина страницы – обрывок, но я заплакала от волнения, увидев его, и буду его хранить тоже. Может быть, нам когда-нибудь дозволено будет отпраздновать этот день вместе, тогда мы вынем этот кусок газеты и вспомним все, что пережили, – радость и горе...» (21 февраля 1946 года, Мариинск).

Оскар Краузе, сын Веры Федоровны: «Тетя Тамара совершила тогда еще один из своих незабываемых подвигов: она привезла детей на свидание с матерью в Сибирь. И это в то время, в тех-то условиях полной нищеты и послевоенной разрухи!»

Письмо о приезде детей на свидание к матери невозможно читать без слез.

«Утром 10 сентября я встала совсем обыкновенно и до обеда была занята обычными делами в больнице, как вдруг пришла женщина и сказала, что мои дети и сестра уже здесь и я их скоро увижу. Нет, нет, дорогой, я не закричала, не заплакала. Я села и попросила повторить мне сказанное. Мне казалось все ужасно нереальным, точно во сне, и когда женщина ушла, несколько раз повторив мне рассказ о том, как она видела детей, и сообщив мне даже, как они меня искали. Через несколько минут меня вызвали и сказали, что дети меня ждут, я могу идти к ним.

В первый раз за годы моих мучений я потеряла сознание. Ни разу со мной этого не было. Когда я опять стала видеть и слышать, я сидела на скамейке, и дети были со мною, и Тамара меня держала; я ничего не соображала, кроме того, что вот тут, возле меня, Лена и Карюня, я могу трогать их ручки, могу целовать их, могу смотреть на них. Я вижу своими глазами, какие они стали.

Я владела этим счастьем пять дней, пять коротких дней. Иногда три, иногда пять часов. Всего двадцать часов. Я узнала многое. И все-таки – так мало ужасно.

Шестой день они еще были здесь, близко, но видеть их я уже не могла. На седьмой – рано утром они уехали.

Жили они здесь хорошо. Имели свою отдельную комнату с печкой, которую могли топить и на ней стряпать. Обедали и ужинали в столовой, хлеба, картошки у них было вволю. Были сыты все время. А приехали очень голодные и почти без денег. Благослови Бог моих дорогих, чудесных друзей здесь. Они всем решительно обеспечили детей, во всем им помогли. Не могу тебе передать, как много сделали люди, такие же бедняки, как мы с тобой, для детей в эти дни. И мне даже ни о чем не приходилось просить. Все являлось само собой, великим чудом человеческой любви, дружбы, товарищеской заботы. Дети были здесь в покое, в тепле, сыты, довольны, радостны, окружены лаской и заботой друзей. Им – маленьким и глупеньким – это не казалось, может быть, необычайным. Они приехали в гости к маме, и понятно, что у нее все должно быть хорошо и в порядке, а вот Тамара не могла надивиться тому, что она здесь встретила, и тому приему, который был ей оказан.

Она очень похудела, постарела, почернела – Тамара. Страшные эти годы тяжело на нее легли. На груди у нее медаль „За доблестный труд“ во время Великой Отечественной войны. Одета она очень плохо. Много морщин появилось на лице, и седина проглядывает в волосах. Мне было ее мучительно жаль. Она приняла на себя невероятный труд, надорвала все силы и здоровье, старалась прокормить и воспитать детей в эти тяжелые годы.

Проводили детей в их дальнюю и трудную дорогу хорошо. Продуктов им, хлеба и сухарей собрали дней на 10 (конечно, главным образом хлеб). Сухарей дали около 7 кг, а хлеба около 12 кг. Денег дали немного (70 р.). У них в момент отъезда отсюда, кроме билетов, было только 21 р.

Мы не знали, сколько они пробудут в пути. Посадка отсюда страшно трудная. Возможности сесть в поезд люди ждут иногда по много дней. Речь идет, конечно, не о пассажир-

ском поезде, он вообще недоступен, а лишь бы сесть в теплушку, прицепленную к товарному составу. Сюда дети приехали тоже в таких же теплушках. Только бы доехали здоровые.

Из их писем с дороги я узнала, как им широко и просто помогали спутники по путешествию, как их взяли под опеку солдаты эшелона, к которым прицепили теплушку после Свердловска. Узнав, что у них кончились продукты и деньги, натащили им всякой еды в вагон, принесли талоны в столовую для демобилизованных, которые устроены на всех больших станциях. Даже попросили Лену принять от них 200 рублей денег, словом – чудесным образом эти дети опять нашли помощь и защиту у людей и едут в этом поезде, как в родном доме» (24 сентября 1946 года, Мариинск).

Из письма видно, что приезд детей растрогал сердца многих, находящихся в лагере. Из того, что я знаю теперь о лагерной жизни из книг, фильмов, можно с уверенностью сказать, что все они голодали, замерзали, но все же каждый старался поделиться с детьми, чем мог. Как мы видим из письма, и солдаты, возвращавшиеся после разгрома Японии, взяли их к себе в эшелон и заботились как о родных.

Но здоровье Веры Федоровны становилось все хуже.

«Родной мой, мой любимый, неизменный друг! Я лежу в больнице. Смотрели меня многие врачи, в том числе хирург. Сначала не удавалось поставить диагноз. Сейчас дорога ужасная. Как только станет получше, чтоб можно было ехать без большой тряски, меня повезут на консультацию и на рентген в город. Сегодня был консилиум с хирургом по поводу моей болезни, и мне предложили операцию, на которую я дала согласие» (10 апреля 1950 года, Мариинск).

«Мои ненаглядные, любимые сыночки! А я все думаю о вас – моих детях. Нет слов достаточно значительных и больших, которые могли бы выразить всю силу моей любви к вам. Мысли о вас всегда со мною и будут со мною до последней сознательной минуты, и я хочу, чтоб вы это знали.

Я хочу, чтоб вы жили долго, чтоб ваша жизнь была полна плодотворного и целеустремленного труда, чтоб любовь к людям всегда была с вами...

У меня к вам только одна просьба – не забывайте Леночку. Не забывайте ей помогать и любить ее всегда» (21 апреля 1950 года).

На том же листе с обратной стороны чернилами другим почерком: «Выполняю обещание, данное Вашей матери. Сообщаю Вам о результатах операции, которая была произведена час тому назад. О чем Вам я сейчас напишу, прошу, матери никогда не писать, так как она об этом не знает.

Вашей матери была произведена операция верхняя чревосечения и найдено: рак поджелудочной железы, не подлежащий оперативному лечению. Предсказания для жизни неблагоприятны.

Она хорошо перенесла операцию, в настоящее время сладко спит, более не чувствует. Состояние на некоторое время улучшится с тем, чтобы вновь ухудшиться. Как было бы хорошо, если бы кто-либо из Вас к ней приехал.

С приветом уважающая Вас врач Т. Рачкова».

Рядом с Верой Федоровной оказались хорошие врачи, которые попали в лагерь только за то, что в первые месяцы войны были в окружении. Чудом вырвавшись из него, стали «врагами народа». В условиях лагерной больницы, они творили чудеса своими «золотыми руками» и, как на фронте, спасали многим жизнь. Но для Веры Федоровны все уже было поздно. Они смогли лишь поставить ей правильный диагноз и по возможности облегчить ее мучения в послеоперационный период.

Воспоминания Оскара Краузе, сына Веры Федоровны: «4 июля отец получает второе письмо от хирурга Визнера, где тот „пишет о том, что опухоль увеличивается“. Безусловно, в это время мама была уже очень слаба, в тяжелом состоянии. Но она еще могла немного пере-

двигаться и писать, голова у нее была ясная. Ведь написала же она 14 июля последнее письмо Мусе в Магнитку – и письмо это дошло и сохранилось!

Трудно мне писать о последнем свидании с мамой.

Мы с Леной выехали из Москвы 30 июня 1950 года. Ехали быстро, без пересадок и все-таки более трех суток. К маме (за 18 километров от Мариинска) мы попали, видимо, 4 июля. Нам разрешены были свидания в течение трех дней, практически без ограничения времени. Но потом я ходил к начальнику лагеря, человеку неплохому, и он разрешил нам еще два дня свиданий. Маму мы застали в ужасном состоянии – истощенную, желтую, бесконечно слабую. Почти ничего не могла она есть и очень мало пила. Но это была наша прежняя мама – самая любимая, самая мудрая, самая добрая, самая мужественная, все понимающая без слов и прощающая.

Уезжали мы, кажется, рано утром 10 июля. В Мариинск шел грузовик, мы сели в кузов вместе с другими отъезжающими. Машина увозила нас, и мы долго видели маму, стоящую под деревом на пригорке с высоко поднятой худой белой рукой, с невыразимой прощальной улыбкой. Долго, долго мы видели ее сквозь льющиеся слезы. Она стояла сама, одна, и, кажется, в прощальный этот жест были вложены все остатки ее утасающих сил. Это был конец, настоящий конец жизни, и все мы понимали это».

Т.Ф. Берсенева – Ф.О. Краузе. 6 августа 1950 г. Мариинск, вокзал.

«Дорогой Фридрих Оскарович!

Вот мы с Вами осиротели на весь остаток нашей жизни. Я пишу Вам уже с обратной дороги из Мариинска, приткнувшись на вещах в привокзальном садике, так как все негде было.

Вера скончалась 1 августа в 8 ч. 40 мин. вечера. Схоронили мы ее 3-го в 3 часа дня. Все же родные руки закрыли ее синие глаза, положили в гроб и засыпали землей...

После отъезда ребят ее словно покинули все силенки, она слегла, есть ничего не могла. Меня она ждала и радовалась, говорили всем, что я еду к ней.

Я сидела на табуретке день и ночь трое суток, отходя только за разрешениями в штаб.

На кладбище ее провожали друзья и товарищи по несчастью. Было 10 или 12 человек, старик фельдшер, который так много сделал для нее, ребят и меня, шел всю дорогу с непокрытой белой головой. Там все попрощались с ней. Я прощалась несколько раз за себя, за Вас, за всех детей... И землю бросала также за всех, всех вас...

На кресте я написала карандашом (эти буквы мне обещали выжечь после): „Вера Федоровна Берсенева. Родилась 31 марта 1897 г. – умерла 1 августа 1950 г. Спи спокойно, наша радость, наша любимая мать... “ Всю могилку осыпали цветами и крест тоже».

Я надеюсь, что из этих отрывков мне удалось сложить историю жизни Веры Федоровны Берсеновой.

Ее судьба – отражение судьбы русской интеллигенции. В наше время таких людей мало. Потеряли мы их в страшных жерновах событий XX века – и это невозполнимая потеря для России.

Примечания

¹ Вера Федоровна: Судьба в письмах: В 2 т. Череповец, 2008.

² Семейный архив Берсеновых-Краузе.

³ Мемуары Фридриха Оскаровича Краузе (мужа Веры Федоровны).

⁴ Школа рабочей молодежи.

Живая история Страницы жизни Капиталины Петровны Оглоблиной-Аксеновой

**Ксения Звягина, Маргарита Лаврова
Школа № 46, г. Воронеж,
научный руководитель З.Я. Королькова**

На центральной улице имени Кирова села Подгорного среди густой зелени деревьев, за высоким забором, расположился небольшой домик с высоким крылечком, крытый сероватым шифером. С 1972 года в нем живет учительница Капиталина Петровна Аксенова. 8 ноября 2008 года ей исполнилось 84 года. Работала она в нашей школе сначала лаборантом в кабинете физики, потом библиотекарем и воспитателем в группе продленного дня, так как место учителя в пригородной школе получить в это время было очень трудно.

Немногословная, приветливая, всегда доброжелательная, она всегда располагает к себе ребят и взрослых. Нам же с Ксюшей захотелось узнать о ее жизни больше.

Чтобы написать нашу исследовательскую работу, мы много раз приходили к Капиталине Петровне, писали запросы в Государственный архив Смоленской области и в Государственный архив Орловской области. Тяжелая судьба семьи Аксеновой-Оглоблиной – это и есть, на наш взгляд, судьба нашей многострадальной Родины в XX веке.

Жизнь семьи в Брянске

Родилась Капиталина Петровна в 1924 году в городе Брянске. Ее отец, Петр Иванович Оглоблин, родился в 1882 году. Мать – Александра Михайловна, 1890 года рождения, окончила гимназию, несмотря на то что ее мать умерла в 42 года от тифа, оставив пятерых детей.

Старшая сестра матери сосватала Александру Михайловну замуж за богатого вдовца, у которого уже было двое детей: Виктор (1907 г. р.) и Елизавета (1916 г. р.). Вскоре у Петра Ивановича и Александры Михайловны родились общие дети: в 1921 году – Георгий, в 1924 году – Капиталина, потом Ольга и Анатолий.

В 1921 году в стране была объявлена новая экономическая политика (НЭП). Власти в Брянске призывали жителей приложить все силы для ликвидации последствий Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Петр Иванович со своими братьями и старшим сыном Виктором откликнулись на этот призыв: построили водяную и паровую мельницы. Народ со всей округи пользовался ее услугами. Многие не верили, что НЭП надолго, считали, что рано или поздно имущество у нэпманов отберут. Но отец Капиталины этому не поверил, считая, что у него все сделано своим трудом, своими руками. Да и работал он на паровой мельнице с сыном Виктором без наемных работников, а на водяной трудились его родные братья. Землю под мельницы сыновьям выкупил дед на окраине Брянска. Кругом был лес. Здесь же отец для своей семьи построил большой деревянный дом, а его брат Алексей Иванович неподалеку открыл хлебную лавку. Капиталина запомнила, что отец часто ездил туда за сушками. Вечерами вся семья собиралась за столом чаевничать. Сушки вешали на самовар. Они становились мягкими, вкусными. В такие часы она чувствовала себя очень счастливой! Детская память навсегда запечатлела воспоминания об отце. «Это был чудесный, красивый и добрый человек, для которого, кроме семьи, никого не существовало. Он очень любил маму, детей, но воспитывал всех строго, не балуя».

Раскулачивание и высылка семьи в Пермскую область

В 1930 году по решению тройки по ликвидации кулачества при Брянском окружном комитете ВКП(б) отец Капиталины Петровны был раскулачен. Основанием для применения репрессии по политическим мотивам в административном порядке послужило Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 года. Капиталине в это время было 6 лет, но она помнит, как к ним пришли мужчины, выгнали всех из дома: отца, мать, братьев. Семью повели на вокзал. Там уже было много народу, взрослых и детей. Невозможно понять, откуда столько злобы и жестокости было между людьми. Что двигало теми, кто «раскулачивал» своего соседа – справногo мужика, даже не имевшего батраков, отнимал дом и все имущество, безжалостно выбрасывал на улицу всю семью, детей?

Подъехал поезд. Всех посадили в товарные вагоны по несколько семей в каждый, а куда их повезут – никто не знал. В вагоне были нары и сено. Тут же находился «туалет»: стояло ведро. Поезд останавливался редко, в вагоне было душно, мучил запах мочи и пота. Когда поезд останавливался, мужчины выбегали за кипятком, который продавался на станциях. Кипяток в бидоне был главной «едой» для сосланных. Конечно, у некоторых была и настоящая еда, если они успели захватить ее с собой, но ее хватало ненадолго. Запомнила Капиталина Петровна, что уезжали они по теплу, а приехали в Пермскую область, на станцию Часовая, зимой. К вагонам подогнали лошадей, людей погрузили в сани и привезли в поселок Кусье-Александровский, разгрузили в школе, а затем распределили по квартирам. «Нашу семью поселили в двухэтажном доме. Хозяева жили на втором этаже, а мы и еще две семьи – в двух комнатах на первом».

Поселок Кусье-Александровский был богатым. Здесь выплавляли железную руду. Дома в основном были деревянные, много двухэтажных, работала своя пекарня, почта, детский сад, школа. Местные жители по-доброму относились к поселенцам. Мать, как грамотного специалиста, взяли на работу в школу учителем начальных классов. Отца поставили работать бухгалтером в конторе, старших братьев Виктора и Георгия отправили в Дальний Терым на лесоразработки. Отца оставили в Кусье-Александровском, видимо, потому, что перед арестом ему сделали операцию на ноге. У него была, как в народе эту болезнь называют, «рожа», и рана к этому времени еще не зажила.

Отец – спокойный, рассудительный, никому не причинивший зла, а напротив, многим помогавший в трудный час, не мог смириться со своей судьбой. Он продолжал считать, что произошла какая-то досадная ошибка, и написал заявление в Брянский окружной комитет ВКП(б) о неправильном раскулачивании его семьи.

В государственном архиве Смоленской области сохранился протокол № 11 заседания Тройки по ликвидации кулачества от 19 апреля 1930 года, где написано: «§ 7. Слушали – заявление гр. Оглоблина Петра Ивановича, Жиздринского района, о неправильном раскулачивании.

Постановили – отказать.

Председатель Черкасов.

Секретарь Казанский»¹.

К сожалению, сведений об изъятom имуществе и выселении семьи Оглоблиных с постоянного места жительства в архиве не сохранилось.

Семья Оглоблиных три с половиной года прожила в Кусье-Александровском. В 7 лет Капиталина пошла учиться в школу. В ней было три первых класса: один для местных детей и два для детей поселенцев. Судя по этому, поселенцев приехало в несколько раз больше, чем

было жителей поселка. Капиталину не устраивало то, что она попала в первый класс к своей маме. В детстве она была смелой, бойкой девочкой. Капиталина пошла к директору школы и заявила: «Как же я учительницу свою буду называть дома мамой?»

По разрешению директора ее перевели в другой класс. В Кусье-Александровском она проучилась три с половиной года, а затем их семью с другими поселенцами на катере переправили в село Дальний Терым. Братья Виктор и Георгий к этому времени сбежали с лесоразработок в Пермь. С этого поселения побеги были частыми, бежали наиболее сильные и молодые, старались затеряться на просторах страны. Жить в Дальнем Терыме было очень тяжело. Отца семья почти не видела. С раннего утра до поздней ночи он работал в лесу, возвращался очень усталым. В бараке, где они жили, было холодно. Многие умирали, не получая медицинской помощи и еды в достаточном количестве. Особенно дети. «Нашу семью горе тоже не обошло стороной. Сначала сыпным тифом заболела младшая сестра Оля, потом брат Анатолий. Так они и умерли друг за другом. Брюшной тиф и „испанка“ свирепствовали в этом селе. Чтобы не умереть с голоду, старшая сестра Елизавета нанялась на работу нянкой в одну местную семью, а мы с мамой собирали в лесу травы, грибы, ягоды. А еще я ходила далеко в лес на местную речку ловить рыбу. Мама давала мне вилку и мешочек. Вода в речке была чистая, прозрачная, холодная. На дне лежали камни. Я заходила в воду, переворачивала их, а там была какая-то тонкая рыбка. Прокалывала ее вилкой и складывала в сумку. Запах этой рыбы и тины остался у меня на всю жизнь. До сих пор не могу есть рыбу, наверное, переела ее тогда, в детстве».

В Дальнем Терыме школа была трехлетней, и пришлось Капиталине в четвертый класс ходить снова в Кусье-Александровский. Дорога была неблизкая – больше четырех километров. Она ей запомнилась на всю жизнь: зигзагообразно шла по лесу и от грязи была выложена бревнами, как и многие дворы жителей поселка. Очень страшно было идти одной по такой дороге в школу рано утром по темну и возвращаться в сумерках, а еще страшнее по узкому мостику переходить речку, но страх побеждало желание учиться. Учеба Капиталине давалась легко.

«Надо было выжить в суровых, жестоких условиях. Помню, однажды родственники прислали нам посылку. Мама дала мне салазки. Я пошла на почту в Кусье-Александровский, чтобы получить ее. Когда возвращалась домой, пошел снег. По глубокому рыхлому снегу тащить салазки с грузом было очень тяжело. Устав, я присела на них и незаметно для себя уснула. Окоченевшую, меня нашли знакомые женщины и привезли домой. Долго проболела воспалением легких, но мой организм победил. Я выздоровела, выжила», – рассказывала нам Капиталина Петровна.

Переживая за свою дочь, отец снял ей угол в Кусье-Александровском. «Скучно и страшно было жить одной без близких и родных, но я старалась подавить в себе этот страх – так хотелось учиться».

Шел 1935 год. Старшая сестра Петра Ивановича – Екатерина в Брянске добилась того, что смогла взять Петра Ивановича и его семью «на поруки». Через 4,5 года Капиталина с родными вновь возвратилась в родной Брянск, но их дома уже не было. Соседи говорили, что сразу после их отъезда по приказу властей его сломали, а бревна вывезли в соседнее село на строительство больницы. Поэтому пришлось жить у родственников в страшной тесноте.

5-й, 6-й и 7-й классы Капиталина закончила в Брянске. На летних каникулах она уезжала в Москву к тете Ольге Михайловне, у которой было двое своих детей, примерно ее возраста. Жили весело, хоть и голодно. Запомнила Капиталина Петровна, как тетя приносила с рынка очень мелкую картошку, мыла ее и варила. «Мы с огромным аппетитом быстро съедали всю картошку, прямо с кожурой».

Петр Иванович устроился на работу на Брянский спиртзавод экспедитором, мать – Александра Михайловна – в школу учительницей начальных классов. Нас удивило то, что ее приняли на работу учителем в школу. Возможно, что немаловажную роль при этом сыграло постановление № 2663 «О школах в труд-поселках» от 15 декабря 1935 года СНК СССР и ЦК ВКП

(б), подписанное Молотовым и Сталиным, в котором отмечалось неудовлетворительное руководство Наркомпроса (замнаркома была Н.К. Крупская) «делом обучения и воспитания детей трудпоселенцев». Учителей в стране в это время не хватало.

И казалось, что жизнь как-то налаживается. Вернулся из Перми брат Георгий, устроился токарем на завод «Водосвет». Виктор обзавелся семьей. В 1936 году в семье Петра Ивановича и Александры Михайловны родился сын, которого называли Анатолием – в память о брате, умершем на поселении. Отцу в бараке дали небольшую комнату-«малосемейку». Конечно, было ужасно тесно, но все-таки хоть какая-то своя крыша над головой. Но новый 1937 год стал роковым в их судьбе.

1937 год. Новый арест отца

«В декабре 1937 года ночью отца вновь арестовали. В комнате все перерыли. Что искали, неизвестно – ничего преступного, конечно, не нашли. За что отца арестовали? Куда увезли? Мать пошла на поиски, нашла его в Брянской тюрьме. В этой тюрьме отец пробыл несколько месяцев, а затем его перевели в тюрьму города Орла. Оставив Анатолия, ему шел второй годик, мама вскоре поехала к отцу в Орел, но там ей сказали, что отец умер. Прошло с тех пор уже 70 лет, но мы так и не знаем всей правды о своем отце, деде, прадеде. А так хочется знать о его последних минутах жизни. Ему ведь было уже 56 лет. Какую угрозу он мог представлять для общества, для власти?»

Нас поразило тот факт, что Александре Михайловне не выдали справку о смерти мужа. От чего он умер? Мы с Ритой, подумав, предположили, что Петр Иванович не умер, а был расстрелян на основании оперативного приказа народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 года.

Нам с Ритой очень хотелось помочь Капиталине Петровне, и мы написали запросы в Калугу и Орел.

26 ноября 2008 года мы получили ответ из архива Орловской области за № А-135, в котором нам сообщили, что «в частично сохранившихся документах Орловского областного суда за 1937, 1938 гг. сведений о Петре Ивановиче Оглоблине не имеется». А наш запрос они направили в УФСБ по Орловской области. С глубоким волнением мы ждали ответа. В 1995 году сын Капиталины Петровны Михаил уже посылал запрос в УВД Калужской области и ему прислали ответ, что «на основании п. «в» ст. 3 Закона России от 18 октября 1991 года «Гражданин Оглоблин Петр Иванович реабилитирован на основании протокола № II»².

Но Капиталина Петровна хотела знать подробности его смерти. Ее всю жизнь мучил вопрос: «За что отца лишили жизни?»

Мы с Ксюшей подумали и согласились с тем, что история множества людей все еще похоронена в архивах, куда многим нет доступа. А в чем-то уже утрачена без следа. Размеры беды, прокатившейся в 1937–1938 годах по судьбам народа, огромны! Петр Иванович реабилитирован, но ни он, ни его жена об этом уже не узнают никогда, как и многие другие люди из этого поколения. А многие, еще живущие, просто не хотят вспоминать те ужасы, которые они пережили.

Мать Капиталины пережила своего мужа на 35 лет. Она больше не ждала его из мест заключения, но обязана была жить, чтобы воспитать троих детей, оставшихся без отца: 16-летнего Георгия, 13-летнюю Капиталину и 2-летнего Анатолия. Старшие дети, Виктор и Елизавета, имели к этому времени свои семьи.

После ареста мужа Александру Михайловну с детьми выгнали из квартиры в Брянске. «Враги народа» переехали в Брасовский район, в поселок Локоть, к сестре Александры Михайловны Марии Михайловне, муж которой умер в ссылке. Началась ежедневная борьба за кусок

хлеба для себя и детей. К концу 30-х годов зарплата учителей начальной и средней школы составляла 100–130 рублей в месяц. Семье приходилось тяжело: одной учительской зарплаты на четверых, конечно, не хватало. «Нельзя сказать, что мы голодали в предвоенные годы, но позволить себе купить что-либо, кроме самого необходимого, не могли. Сильно выручал огород и участок с картошкой, но все же питание было очень скудным», – вспоминает Капиталина Петровна.

Зато сотрудники НКВД в это время получали в среднем 2000 рублей, бесплатную форму: шерстяной костюм, шинель, фуражку – на 2 года, 3 пары белья – на год. Раз в год путевка на курорт и денежное пособие на отпуск. Для жилья семейным предоставлялись 2 комнаты, холостым – комната в коммуналке. Работники НКВД имели также свои магазины, где покупали товары по более низким ценам, чем «население». Высшее руководство НКВД к концу 30-х годов получало зарплату 3000–4000 рублей, государственную дачу, машину, продовольственные пакеты. Хорошо оплачиваемую работу стремились получить и сохранить многие. Думаем, поэтому работники НКВД так рьяно служили власти.

Капиталина Петровна окончила 8-й, 9-й, 10-й классы в поселке Локоть. В 9-10-м классах обучение было платным, но завучем в средней школе работала знакомая родителей по Брянску. Она добилась, чтобы Капиталина училась в старших классах бесплатно. Весной 1941 года она закончила школу. Годом раньше старший брат Георгий ушел на службу в армию. А 22 июня новая страшная беда обрушилась на семью и на всю страну.

Война

Всю молодежь, в том числе и 17-летнюю Капиталину, мобилизовали рыть окопы под Смоленском, говорили, что повезут их всего на несколько дней. Но вернулась она домой только через месяц. Буквально через три дня после их приезда немецкие солдаты начали бомбить Смоленск.

«Летали они низко и стреляли в людей в упор. Прижмешься от страха к земле в траншее и просишь Господа Бога сохранить жизнь. Потом поступил приказ всем вернуться по домам. Голодных, перепуганных, нас пригнали на станцию, а там уже не до нас. Сидели мы на вокзале долго. Не помню точно, но, кажется, на 2-й или 3-й день прибыл поезд с открытыми платформами. Мы залезли на них и приехали в Орел. Здесь нас накормили, дали даже на дорогу пайки».

Где-то на попутной машине, где-то пешком через месяц Капиталина добралась домой. «А следом, кажется, в октябре, немец вошел в наше село. Советские части отступали и расположились в лесу. Село оказалось разрезанным на две части глубоким оврагом. А в центре, где раньше находились советские учреждения, расположились немцы. Здесь был их штаб. Устроили они в центре села и тюрьму. Было очень страшно. Население пряталось в погребах, потому что из леса село обстреливали наши, а из села в них стреляли немцы. Помню, в часы затишья мы на колхозном поле собирали картошку, варили суп и носили в лес своим бойцам. А наша фельдшерица помогала военному врачу лечить раненых. Но среди русских были и такие, кто переходил на службу к немцам. Например, директор спиртзавода Воскобойников был в селе бургомистром».

В соседнем селе открывали церковь. Капиталина с подругой хотели пойти посмотреть, но родители подругу не пустили. Капиталина решила вернуться домой. Недалеко от дома путь ей преградил незнакомый человек. Он спросил у нее: «Где сосредоточены немцы?» Капиталина ответила и быстро побежала домой. В ту же ночь было нападение на немцев. Они освободили пленных, забрали раненых, уничтожили комендатуру, расстреляли Воскобойникова.

«Но после этого немцы сожгли наше село, а жителей под конвоем погнали на запад. Шли мы по белорусской земле. Потом, не помню почему, немцы бросили нас и разбежались. Мы

вернулись домой. Некоторые успели свое добро закопать в землю перед уходом, но оказалось, что тот, кто раньше вернулся, тот все и разграбил».

Старшего брата Капиталины Петровны Георгия забрали на фронт. Воевал он недолго, вскоре пришла на него похоронка.

После войны ее мать Александра Михайловна получала пособие семье по статье 13«б» за погибшего сына Георгия на себя, и на малолетнего сына Анатолия с 1 сентября 1950 года по 1 сентября 1952 года – 204 рубля. До совершеннолетия Анатолия семье еще давали паяк – 8 кг овсяной или соевой муки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.